

ПОЗИТИВИЗМ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА: КРИТЕРИИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

В.А. Медведев

Понятие «позитивизм»: проблема идентификации референта

Современный исследователь, работающий в области философии науки, общенаучной методологии, по необходимости сталкивается с проблемой позитивизма, вбирающей в себя совокупность исторических фактов, связанной с параметрами научной рациональности и при этом настолько расплывчатой, что работать с нею практически невозможно. За многие десятилетия понятие позитивизма так глубоко укоренилось в дискурсе философии науки, что сегодня соответствующий термин начинает воспроизводиться в ней «по инерции». Происходит, с одной стороны, развитие понятия [1], а с другой – умножение языковых практик, в которых знак, следуя «по пятам» за меняющимся значением, «рискует потеряться» среди разнообразных и притом не всегда оправданных вариантов словопотребления. Так, в современной философии науки термин «позитивизм» нередко приобретает свойства имени нарицательного, следствием чего является постепенное «размывание» обозначенного данным словом понятия. А поскольку позитивизм как явление занимает важное место в развитии научной рациональности, изучение соответствующих вопросов требует определения критериев, исходя из которых становится возможной идентификация референта названного понятия.

Решение данной задачи имеет смысл начать с обращения к истории развития характеризуемого концепта. В этой связи необходимо отметить, что понятие позитивизма изначально является производным от «позитивной философии» и «позитивной науки об обществе» О. Конта. В своей работе «Дух позитивной философии» Конт противопоставляет метафизику и науку (включая «позитивную философию»), утверждая, что, с одной стороны, прогресс познания требует ориентации на науку как наивысшее достижение человеческого духа в сфере освоения окружающего мира, а с другой стороны, социально-гуманитарное знание (оно представляет для Конта основной интерес) оказывается научным только

при условии опосредованности его развития методом естественных наук, и в частности физики. Позитивную науку об обществе Конт называет «социологией», что, по его мнению, означает прежде всего «социальную физику», т.е. науку, являющуюся эпистемологической оппозицией метафизики, приходящую ей на смену и использующую в качестве гносеологического образца классическую модель естественно-научного знания. Таким образом, позитивизм оказывается на данном этапе формой конституирования научности познавательного процесса в сфере социально-гуманитарного знания за счет распространения на нее методологических требований, сформированных в традиции эмпиризма и наиболее явно проявляющихся в физике XIX столетия.

В данном случае референтом понятия «позитивизм» оказывается социально-гуманитарное (главным образом общественно-научное) знание, выстроенное по принципу соответствия методологическим требованиям классического естествознания. В современной философии науки его определяют как «первый позитивизм», основоположниками которого наряду с О. Контом считаются Г. Спенсер, Дж. Ст. Милль (иногда называют и некоторых других исследователей). И хотя в современной философии науки данный этап обычно характеризуется на основе работ ограниченного круга исследователей, необходимо отметить, что речь в этом случае идет о «направлении», которое по своим масштабам и влиянию на развитие науки XIX столетия вполне может претендовать на то, чтобы его рассматривали как отдельный этап в развитии научной рациональности.

При этом в XIX в. позитивизм как «методологическая программа» интегрирует в себе теоретический и метатеоретический уровни конституирования познавательного процесса в качестве недифференцированной целостности. Принципы позитивистской модели построения общественно-научного знания прорабатываются одновременно и на уровне философских обобщений, и в контексте их конкретно-научной операционализации [2].

Однако в дальнейшем ситуация меняется. В первой половине XX в. позитивизм как методологическая программа перестает быть единым целым. На этом этапе начинается институционализация философии науки, в рамках которой изучение научного познания в качестве такового часто осуществляется безотносительно к конкретно-научным исследованиям [3]. В данном контексте «классический позитивизм» оказывается методологическим наследием, которое перерабатывается и развивается на двух различных и непосредственно не соприкасающихся друг с другом

уровнях. А именно, на уровне социальной теории, с одной стороны, и на уровне философии науки – с другой. В первом случае речь идет главным образом о социологии как «интегральной» общественно-научной дисциплине, в рамках которой позитивизм становится парадигмой, развивающейся в плоскости научной теории, но при этом сохраняющей свою идентичность на уровне конститутивных методологических принципов (это мета-теоретический остов парадигмы, который сохраняется неизменным). Во втором случае принципы «классического позитивизма» тематизируются в формате развивающейся на их основе философии науки, а кроме того, оказываются актуальными с точки зрения гносеологии. Здесь вслед за «классическим», или «первым», позитивизмом проявляется так называемый «второй позитивизм» Э. Маха и Р. Авенариуса, который представляет собой методологическую программу конституирования уже не столько социально-гуманитарного познания, сколько научного познания в целом. Причем вопросы, связанные с историей науки, логикой ее развития, отодвигаются здесь на второй план, оказываясь подчиненными гносеологической проблематике. Следующая стадия развития этой методологической программы на данном эпистемологическом уровне реализуется в рамках логического позитивизма [4], развитие которого приводит к тому, что конституирующие его принципы обретают собственную «противоположность» в формате постпозитивистских методологических построений. И хотя вопрос об уместности рассмотрения постпозитивизма в качестве формы конституирования методологической программы позитивизма остается открытым, факт качественной неоднородности данной «программы» является очевидным. «Первый», «второй» и «третий» позитивизм – это системы методологических принципов, которые различны настолько, что значительно проще характеризовать их как самостоятельные концептуальные системы, нежели как этапы развития единой методологической программы. С точки зрения методологических принципов преемственность между различными формами позитивизма если и прослеживается, то с большим трудом и множеством сопутствующих «поправок», отсылающих исследователя к *истории* развития мысли.

Но в данном случае интерес представляет не история взаимодействия конкретных исследователей, а содержание понятия, которое в дискурсе современной философии науки используется в качестве конструкта, позволяющего концептуализировать определенные тенденции развития

познавательного процесса. В этом отношении необходимо отметить, что в XX в. содержание понятия «позитивизм» оказывается нагруженным не только теоретико-методологическим, но и идеологическим смыслом. На данном этапе (вплоть до 90-х годов) довольно устойчивой становится трактовка позитивизма как идеологической («буржуазной») антиномии марксизма. В середине столетия это логический позитивизм, противопоставленный диалектическому материализму на метатеоретическом уровне, и неопозитивизм, противопоставленный историческому материализму на уровне социальной теории. Наконец, в современной философии науки понятие позитивизма используется также для обозначения формы конституирования классического идеала научной рациональности, выраженного в акцентированных образцах сциентизма, социоцентризма, натурализма и проч.

Таким образом, «в руках» у методолога оказывается понятие, идентифицировать которое далеко не просто. В частности, практика концептуализации позитивизма в качестве научной школы или направления развития мысли постепенно теряет свою актуальность. Развитие подобным образом понимаемого «позитивизма» оказывается настолько витиеватым, что единственным способом «спасти» позитивизм становится ссылка на конвенциональность его определения. При этом очень сложно понять, что общего между «первым», «вторым» и «третьим» позитивизмом, не говоря уже о формах его воплощения на уровне социальной теории. В принципе, данная задача разрешима при условии использования «прокрустовых методов». Логика объяснения в подобном случае приблизительно следующая. Позитивизм как явление требует рассмотрения прежде всего на уровне конституирования его методологических принципов. А это предполагает абстрагирование, с одной стороны, от различных идеологических и иных «внеаучных» форм смыслообразования, а с другой – от параметров операционализации данных принципов в формате социальной теории. В данном случае позитивизм проявляется в качестве методологической программы, которая, будучи остоном определенного научного (научно-философского) направления, представляет собой фрагмент постоянно развивающегося познавательного процесса. Это означает, что данная методологическая программа по определению является развивающимся эпистемологическим образованием. А поскольку она рассматривается через призму «научной школы» или «научного направления», ее развитие концептуализируется с точки зрения взаимодействия соответствующих исследователей, с точки зрения принятия и передачи, сохранения

и развития определенных идей. Здесь прослеживаются преемственность, трансляция методологического наследия с одного этапа на другой. Так, Э. Мах и Р. Авенариус наследуют и развивают основные методологические принципы «классического позитивизма» и в то же время оказывают влияние на творчество представителей Венского кружка и, опосредованно, на развитие методологических представлений оппонировавшего им К. Поппера [5]. Наконец, постпозитивизм представляет собой своего рода инверсию методологических принципов логического позитивизма.

Конечно, это не более чем эскиз «историко-биографической» аргументации тезиса о существовании целостного, развивающегося эпистемологического образования, обозначаемого термином «позитивизм». Научная коммуникация – многогранный, многоуровневый процесс, подробное рассмотрение которого позволяет обогатить данную схему аргументации, превратив ее в многомерную историческую реконструкцию изучаемого предмета. Однако целесообразность (или нецелесообразность) подобной исторической реконструкции определяется правоммерностью предложенной схемы. А поскольку речь идет о критериях рассмотрения, условием ее принятия или отказа от нее является баланс методологических возможностей и ограничений, которые сопряжены с использованием данного методологического конструкта.

В этой связи необходимо отметить, что охарактеризованная схема аргументации является удовлетворительной при условии рассмотрения обозначенной траектории развития методологических принципов позитивизма безотносительно к множеству других векторов эволюции познавательного процесса в пределах характеризуемого исторического этапа. Действительно, сциентизм в его механицистской интерпретации, ориентация на строгие методы естественно-научного знания, эмпиризм в его различных проявлениях – этот остов «классического позитивизма» является характерным признаком как методологической программы Э. Маха и Р. Авенариуса, так и логического позитивизма. Однако эти же принципы легли в основу развития и многих других научных школ и направлений первой половины XX в.

Как следствие, модель, применимая для концептуализации позитивизма на уровне XIX столетия, в пределах которого он представляет собой ярко выраженное методологическое «движение», направление развития познавательного процесса, имеющее четкие контуры и в связи с этим вполне однозначно идентифицируемое в качестве референта понятия «позитивизм», – эта модель, будучи проявленной в контексте изучения

эволюции соответствующих принципов (данной методологической программы) в XX столетии, перестает быть эффективным методологическим инструментом. В современной философии науки позитивизм целесообразнее концептуализировать через призму определенной методологической установки, поскольку это позволяет избежать редукционизма (по крайней мере в его жестких формах) в ходе идентификации референта названного понятия.

Параметры «позитивистской методологической установки»

Позитивизм имеет смысл рассматривать как методологическую установку, которая на определенном этапе развития научной рациональности (науки как таковой) проявляется в качестве доминирующей и в то же время не исчезает впоследствии (при смене методологической доминанты), становясь неотъемлемой частью научной рациональности. В данном случае возникает необходимость дифференциации методологической установки и научной школы (направления), которая реализует эту установку в своей методологической программе. По сути, здесь проявляются две плоскости концептуализации, одна из которых соответствует эпистемологическому масштабу философии науки, а другая – эпистемологическому масштабу теории познания. С точки зрения философии науки позитивизм проявляется прежде всего как научное направление или в крайнем случае как парадигма, научно-исследовательская (методологическая) программа. С точки зрения теории познания это прежде всего методологическая установка. Философия науки работает с конкретными процессами эволюции научного знания. Здесь научная картина мира и идеал научной рациональности соответствуют предельному уровню обобщения, основанием для которого служит история мысли, с одной стороны, и история деятельности научных сообществ – с другой. В ходе концептуализации подобного материала философия науки в зависимости от конкретного реализуемого в ней подхода апеллирует к «внутренней» или «внешней» истории науки, к различного рода отношениям между соответствующими процессами [6]. Однако это не меняет эпистемологического масштаба концептуализации познавательного процесса, в связи с чем очень сложно, ограничиваясь рамками данного дискурса, выйти на концептуализацию позитивизма в качестве методологической установки.

Простая констатация такого рода критерия рассмотрения вызывает недоумение, поскольку с точки зрения истории науки (а это эмпирическая база философии науки) методологические принципы, установки, ориентиры познания суть признаки, которые характеризуют подобные позитивизму явления и при этом не выступают самостоятельными эпистемологическими образованиями. И этот аргумент вполне приемлем, если отвлечься от того обстоятельства, что для современного исследователя позитивизм представляет интерес не столько как исторический факт, сколько как параметр научной рациональности. Ученый обнаруживает его в структуре собственной мысли, ощущает присутствие данного параметра в современном эпистемологическом дискурсе и при этом, пытаясь его идентифицировать, сталкивается с множеством методологических трудностей. Дело в том, что для идентификации подобного образования его необходимо определить как объект (идеальный объект). А в формате философии науки позитивизм как объект – это научная школа (или научное направление). В результате для идентификации одного из фрагментов современной научной рациональности, который к тому же по-разному проявляется в подходах современных исследователей, приходится брать эталон позитивизма, представленный в виде одной научной школы («первый», «второй» или «третий» позитивизм) [7], и сопоставлять его с другой (современной) научной школой (или подходом). А это очень громоздкий и малоэффективный процесс.

Самостоятельным объектом исследования методологическая установка оказывается только в формате теории познания. Данный масштаб рассмотрения позволяет изучать ее структурные особенности и связи с другими методологическими образованиями, что переводит анализ обозначенного вопроса в плоскость концептуализации «позитивистской методологической установки». Причем это не просто изменение объекта рассмотрения, – в данном случае меняются принципы концептуализации материала. Здесь исследователь имеет дело уже не с историей науки, а с логикой развития научной рациональности. Причем модель названного процесса (логика развития науки) не является в строгом смысле слова обобщением эмпирических данных. Апелляция к историческому процессу, к конкретным фактам или примерам из истории развития науки позволяет операционализировать подобную модель, однако не дает возможности говорить что-либо о ее достоверности. И в этом заключается принципиальное различие между философией науки и теорией познания.

В формате теории познания наука концептуализируется с точки зрения логики развития научной рациональности. И что особенно важно, в гносеологическом дискурсе этот процесс рассматривается в качестве материала, на котором операционализируются методологические инструменты и принципы, разрабатываемые в пределах данного уровня философского знания. В свою очередь, в формате философии науки как специализированной философской дисциплины на первом плане оказывается история науки. В этом случае научная рациональность как таковая уже не является эмпирическим материалом. В дискурсе соответствующих исследований она фигурирует как результат философского обобщения, контуры которого проявляются на фоне научной картины мира, и прежде всего на фоне истории ее воспроизводства, развития.

На уровне теории познания речь идет о фиксации определенных критериев рассмотрения и строгом следовании им в ходе операционализации проявленной на их основе модели. Методологические инструменты, сформированные в пределах данного дискурса, не зависят [8] от той или иной системы онтологических представлений. Поэтому в качестве таковых они не подлежат оценке на предмет истинности, что в то же время не исключает вопроса о «качестве» соответствующего инструментария. В частности, моделирование параметров развития научной рациональности, осуществляемое в пределах данного дискурса, не является процессом разработки гипотезы с целью ее проверки на основе эмпирических данных. Дискурс теории познания в конечном счете строится по принципу «если ..., то ...». Причем уровень исследования в этом случае таков, что проверить на предмет истинности «если» невозможно. Подобная «посылка» либо *принимается* как исходный принцип, а следовательно, как критерий рассмотрения, либо – *нет*.

С другой стороны, в формате специализированной философской дисциплины изучение особенностей воспроизводства и развития науки изначально предполагает определенные онтологические представления, на основе которых проявляется модель изучаемого предмета, т.е. науки как онтологического образования. Здесь исследователь опирается на систему представлений о том, что такое наука, картина мира, научная рациональность, каковы законы [9] ее развития. В результате исследования подобные представления нередко меняются, но в ходе его осуществления они воспроизводятся в качестве данных, позволяя строить те или иные гипотезы, идентифицировать конкретные факты, достигать эмпирически (фактически) обоснованных обобщений. На этом

уровне любое утверждение имеет дело с действительностью и вследствие этого подлежит проверке на истинность (в пределах соответствующей системы представлений).

В контексте данной работы позитивизм является предметом эпистемологического исследования. А это, в частности, предполагает его концептуализацию в качестве методологической программы, суть которой выражается в определенной методологической установке и которая, проходя различные этапы развития (с соответствующими им формами ее конституирования), в конечном счете закрепляется в структуре научной рациональности в виде определенной когнитивной структуры. По существу, история подобным образом трактуемого позитивизма – это история «прорастания» данной методологической установки сквозь субстрат научной рациональности.

В нашем случае необходимо определить, что представляет собой названная методологическая установка. А для этого стоит вновь обратиться к идеям О. Конта, в связи с которыми в науке формируется представление о позитивизме как модели построения научного знания. Конт говорит о «позитивной философии» (и о науке как идеале «позитивного» знания), противопоставляя ее метафизике. И в этом отношении его идеи оказываются включенными в эпистемологический диалог между эмпиризмом и рационализмом. Последнее позволяет, к примеру, проследить истоки «социальной физики» Конта в значительно более ранних дискуссиях о природе философского знания, объективности мира и месте в нем человека [10]. В этом смысле Конт, строго говоря, не является основоположником позитивизма как методологической программы, что в то же время не умаляет его роли в развитии соответствующего научного направления. Структурообразующие принципы «классического позитивизма» выстраиваются вокруг объективистской методологической установки, которая является результатом продолжительного развития эмпиризма и, соответственно, механистической картины мира. Как следствие, фигура Конта примечательна в том отношении, что его исследования знаменуют начало этапа, в пределах которого объективистская методологическая установка (в ее эмпирицистской интерпретации) становится доминирующей.

Изначально позитивизм строится на отрицании метафизики, суть которого в конечном счете сводится к жесткому противопоставлению объекта и субъекта познания. И это не случайно: позитивизм представляет собой систему эпистемологических принципов, тогда как «осью»

эпистемологической проблематики служит отношение между объектом и субъектом познания. Данное отношение определяет концепцию истинности, которая проявляется в рамках соответствующей программы, обуславливает систему требований, предъявляемых к научному знанию, служит основанием для идентификации научного факта, а также для разработки конкретных методов осуществления познавательного процесса. Оно определяет суть соответствующей методологической установки и конфигурацию разрабатываемой на ее основе системы эпистемологических принципов.

Одной из наиболее ярких форм выражения данной методологической установки является «движение к объективности», определяющее развитие науки в конце XIX – первой половине XX в. [11]. При этом конкретные пути такого «движения» многообразны. Подобная методологическая установка реализуется различными научными школами, на разных уровнях осуществления познавательного процесса, в пределах различных дисциплин и в виде разных теорий. Будучи «эпистемологической доминантой», она пронизывает всю инфраструктуру эпистемологических практик. А это означает, что с позиции данного критерия рассмотрения позитивизм как эпистемологическое образование не тождествен формам институционализации данной методологической программы в деятельности отдельных научных сообществ. То, что одни научные, философские направления исторически идентифицируются в качестве позитивистских, а другие противопоставляются им или рассматриваются как безотносительные к этой методологической программе, еще не является достаточным основанием для однозначного определения роли «позитивистской методологической установки» в развитии соответствующих направлений движения мысли.

«Стремление к объективности» – это не просто признак конкретной научной школы. Это важный этап развития научной рациональности, в пределах которого сосуществуют различные методологические программы. Соответственно, речь здесь идет о разных формах воплощения, операционализации «позитивистской (объективистской) методологической установки».

Значение позитивизма с точки зрения развития научной рациональности

Позитивизм – это методологическая программа, которая разворачивается вокруг охарактеризованной методологической установки, пронизывает собою всю инфраструктуру эпистемологических практик,

становясь на этапе ее (установки) доминирования в науке «стилем *научного* мышления», и вновь сворачивается до методологической установки, которая (уже не являясь эпистемологической «доминантой») оказывается неотъемлемым атрибутом преобразованной в этом процессе научной рациональности.

Возникает вопрос: что дает подобная трактовка позитивизма? В ней проявляется многомерная модель соответствующего понятию «позитивизм» референта, и в этом отношении она служит методологическим инструментом, способствующим, во-первых, идентификации позитивизма в диахронической перспективе развития познавательного процесса, во-вторых, определению значения данной методологической программы с точки зрения развития научной рациональности и, в-третьих, решению вопроса о характере ее воспроизводства в современном эпистемологическом дискурсе.

С точки зрения развития научной рациональности значение позитивизма определяется исходя из воплощенного в нем «стремления к объективности». Позитивизм представляет собой многоуровневую методологическую программу решения основополагающей в плане воспроизводства и развития науки (в пределах заданного этапа) когнитивной задачи, а именно, задачи нивелирования субъективности познавательного процесса, или, иначе, «отделения» субъекта познания от постигаемого им объекта с целью достижения объективности получаемых в ходе научного исследования знаний. Позитивизм возникает из противопоставления метафизики и науки (умозрения и «точного научного метода») и воплощает в себе веру в объективность научного знания (следовательно, надежность научного метода).

Подобные особенности позитивистской методологической программы и связанной с нею методологической установки являются выражением конкретного этапа развития научной рациональности, которому соответствует определенная модель осознания исследователем себя в качестве субъекта когнитивного действия. По сути, позитивизм есть конечный продукт развития классической научной рациональности. Здесь формируется субъект, способный противопоставить себя объекту и при этом обнаруживающий основания для подобного противопоставления в структуре осуществляемой им познавательной деятельности, – в этом существе тезиса, согласно которому критерием объективности научного знания является использование ученым точного (надежного) научного метода. И неважно, насколько оправданно убеждение в объективности получаемого подобным

образом научного знания с точки зрения современной науки. Речь идет об определенном стиле мышления, в котором проявляется соответствующий этап развития научной рациональности. Именно в этом отношении, противопоставляя себя объекту, исследователь «достигает» определенного уровня развития собственной субъектности. А это способствует пониманию значения позитивизма в общем процессе развития научной рациональности.

Развитие науки – не просто приращение знаний, дифференциация эпистемологических практик, рост научных школ или даже преобразование общенаучной картины мира. Все это значимые параметры, однако с точки зрения философии, и в частности теории познания, они не являются первостепенными. Суть названного процесса заключается в эволюции человека как субъекта познания [12], что выражается прежде всего в развитии научной рациональности.

Этот процесс идет от противопоставления субъекта и объекта познания через «элиминацию» субъективности к пониманию неотъемлемости субъективного фактора и поиску путей конституирования научности познавательного процесса в условиях осознания его обусловленности социокультурными факторами. Здесь эпистемологическое дистанцирование субъекта от изучаемого объекта и, соответственно, поиск методов, способствующих формированию подобного «критерия объективности», постепенно сменяются осознанием ценности субъективного фактора и стремлением задействовать его как условие «научности» познавательного процесса, стремлением избежать субъективизма, сохраняя и усиливая при этом *субъектность* когнитивного действия [13].

В этом контексте позитивизм оказывается неотъемлемым параметром развития научной рациональности, причем «неотъемлемым» в нескольких отношениях. Во-первых, это исторический факт, с которым необходимо считаться и значение которого важно понять. Во-вторых, это форма конституирования познавательного процесса, в которой воплощается определенный этап развития научной рациональности. И наконец, в-третьих, это «пласт» научной культуры, который сохраняется на современном этапе познавательного процесса не только в виде реликтов классического познания, но и (в превращенной форме) в качестве отдельных параметров современной научной рациональности.

Примечания

1. О развитии понятия см.: *Арсеньев А.С., Библер В.С., Кедров Б.М.* Анализ развивающегося понятия. – М.: Наука, 1967.

2. См., например: *Конт О.* Дух позитивной философии. – СПб.: Филос. общество, 2001; *Спенсер Г.* Синтетическая философия. – Киев: Ника, 1997.

3. См.: *Философия науки: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола»*) // Вопросы философии. – 2006. – № 10. – С. 17–18.
4. Подробнее об этапах развития позитивизма (в данном его понимании) см.: *Нарский И.С.* Очерки по истории позитивизма. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960.
5. Стоит признать, что определение позиции Поппера как имеющей отношение к логическому позитивизму является крайне дискуссионным. Однако в данном контексте этот вопрос принципиального значения не имеет.
6. См.: *Лакатос И.* История науки и ее рациональные реконструкции // Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2002. – С. 455–524.
7. В качестве подобного эталона возможно использование идеального конструкта, который исторически не существовал.
8. С точки зрения их конфигурации.
9. В теории познания речь идет о принципах, здесь же акцент делается на законах, закономерностях, тенденциях, которые онтологизируют соответствующую систему представлений.
10. См.: *Benton T.* Philosophical foundations of the three sociologies. – L., 1977. – P. 18–24.
11. См.: *Пассмор Дж.* Сто лет философии. – М.: Прогресс-Традиция, 1998. – С. 135–150.
12. Ср.: *Философия науки: проблемы и перспективы (материалы «круглого стола»*) – С. 27, 35, 37.
13. См.: *Степин В.С.* Теоретическое знание: Структура и историческая эволюция. – М.: Прогресс, 2000. – С. 636.

Уральский государственный
университет им. А.М. Горького,
г. Екатеринбург

Medvedev, V.A. Theoretical constructing as a strategy of methodological research

The paper proves the thesis that theoretical constructing is a process being realized in epistemological coordinates which are, in this case, both the space and the parameter of methodological research because of appearing as a criterion structure. In the view of practical realizing of this process, it means that methodology of theoretical constructing is carried out in frames of the approach generated by such coordinates. The content of theoretical constructing reflects primarily as methodological strategy of a particular researcher; realization of this strategy next, makes possible to apply it to particular objects of constructing.